

П. Б. СТРУВЕ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Сергей БЕСПАЛОВ

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

И С Т О Р И Я

Петр Бернгардович Струве, бесспорно, является одной из ключевых и ярчайших фигур в истории русской общественной мысли. Поэтому вполне закономерно, что на протяжении двух последних десятилетий появилось немало работ, посвященных характеристике его социально-философских и политических воззрений¹. Однако его экономические взгляды вызывают гораздо меньший интерес у современных исследователей, несмотря на то что сам Струве считал себя прежде всего экономистом и посвятил изучению российской экономической истории (или, как он сам предпочитал говорить, — истории хозяйственного быта), а также проблем экономического развития современной ему России весьма значительную часть своей жизни.

К тому же философские взгляды П. Б. Струве на протяжении его жизни серьезно менялись, как эволюционировали и его политические убеждения — от социал-демократических до праволиберальных. Сам Струве писал в 1902 году, что восемью годами ранее он «был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической экономии реши-

¹ См., например: *Балуев Б. П.* П. Б. Струве о роли интеллигенции в социальном миротворчестве // *Миротворчество в России: Церковь. Политики. Мыслители: От раннего средневековья до рубежа XIX—XX столетий.* М.: Наука, 2003. С. 449—489; *Гнатюк О. Л.* П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998; *Иванцова О. К.* Философия либерального консерватизма: П. Б. Струве: Опыт историко-философского анализа: Дис. канд. философ. наук. М., 2004; *Ливоваров Ю. С.* Два века русской мысли. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 288—374.

26 (7) февраля 2010 года исполняется 140 лет со дня рождения выдающегося русского философа, историка, экономиста и общественного деятеля П. Б. Струве.

тельным, хотя и вовсе не правоверным, марксистом. С тех пор и позитивизм, и опирающийся на него марксизм перестали для автора быть всей истиной, перестали всецело определять... его мировоззрение. Ему пришлось... искать и выработать себе новый строй идей»², причем процесс этот и в начале первого десятилетия XX века был еще далек от завершения. В то же время экономические взгляды Струве представляются самым устойчивым компонентом его мировоззрения. Почти все наиболее значимые суждения по *собственно экономическим* вопросам, высказанные Струве в 1894 году, в первом крупном исследовании «Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России» (публикация которого сразу же поставила 24-летнего автора в ряд крупнейших экономистов России), в дальнейшем воспроизводились им в работах 1900—1910-х годов без существенных изменений. Более того, последующая эволюция социально-философской доктрины Струве являлась, в известной степени, процессом приведения его философских и особенно социально-политических воззрений (последовательно воплощенных затем прежде всего в «Великой России», где был сформулирован принцип приоритетности внешней политики по отношению к политике внутренней) в соответствие с ранее сложившейся экономической концепцией.

Первая книга Струве так и осталась его единственным крупным исследованием, в котором комплексно рассматриваются все ключевые вопросы развития российской экономики. Некоторые проблемы, поднятые в этой работе, важнейшей целью которой являлось стремление Струве продемонстрировать несостоятельность народнической концепции экономического развития страны, представляются сегодня исключительно важными для понимания закономерностей экономической эволюции не только России, но и в целом стран «догоняющего развития» (автор использует здесь этот термин как наиболее распространенный). Поэтому именно «Критическим заметкам...» будет уделено наибольшее внимание в настоящей статье.

Справедливо утверждая, что «теория самобытного экономического развития России или просто вера в такое развитие» составляет самую сущность народничества, имеющего очевидные славянофильские корни³, Струве поставил перед собой цель опровергнуть две основные составляющие народнического мировоззрения: «1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах»⁴, в соответствии с которыми Россия, превратившаяся (по выражению одного из теоретиков народничества А.В. Яковлева) после освобождения

² Струве П. Предисловие автора // Струве П. На разные темы (1893—1901 гг.): Сб. статей. СПб., 1902. С. 1.

³ Струве П. Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. 18. Отметим, что Струве говорит о славянофильских корнях *всего* народничества, в рамках которого он в то же время выделяет две «фракции» — западническую и славянофильскую: «...первую мы видели в лице писателей, апеллирующих к сознательному творчеству критически мыслящей личности, вторую — в лице авторов, главные свои надежды возлагающих на „мирской строй“ и „мирской дух“» (там же. С. 28). Здесь, на наш взгляд, речь идет главным образом о философских корнях тех или иных народнических концепций, а не о принципиальных различиях в экономических программах отдельных представителей народничества. В то же время вера в возможность самобытного развития России объединяет всех народнических теоретиков, и именно «в этой вере — историческая связь между славянофильством и народничеством, в ней же отрицание самой основы западничества; вот почему мы считаем наш спор с народниками естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством. Последнее... *теперь*... должно иными средствами, совершенно новыми аргументами бороться против „самобытности“» (там же. С. 28).

⁴ Там же. С. 2.

крестьян с землей в своего рода *tabula rasa*, способна избежать повторения социально-экономической эволюции Западной Европы в направлении капитализма и, имея перед глазами европейский опыт, в состоянии сохранить свой особый тип развития; обеспечить же развитие по этому пути призвана «передовая» интеллигенция⁵.

Что касается народнических представлений о роли личности, то их Струве подвергает жестокой критике с позиций экономического материализма, который «просто игнорирует личность как социологически ничтожную величину»⁶. Подробная характеристика философских воззрений молодого Струве не является нашей задачей, тем более что на протяжении следующего после выхода рассматриваемой книги десятилетия они претерпели кардинальные изменения⁷. Необходимо подчеркнуть в то же время, что их уязвимость не делает собственно «экономическую» часть его ранней работы менее убедительной; об этом писал и сам Струве в 1901 году. Но первым внимание на то, что сформулированная Струве концепция экономического развития России вовсе не нуждается в жестко материалистическом обосновании, полностью «игнорирующем личность», обратил крупный публицист консервативного направления К.Ф. Головин, уже в 1896 году написавший: «Если... выкинуть из книги г-на Струве довольно смутные надежды на имеющее когда-нибудь совершиться „обобществление“ и освободить ее от ненужного философского балласта» — его концепция окажется вполне приемлемой, а «цельность его взглядов только выиграет»⁸. Кстати, несмотря на довольно жесткую критику философских воззрений Струве, Головин — один из самых прозорливых консервативных мыслителей России своего времени, с тревогой наблюдавший за ростом в конце XIX века популярности народнических взглядов, все чаще проникавших даже «в тайники канцелярий»⁹, в предисловии к своей работе, значительная часть которой как раз и посвящена анализу «Критических заметок...», обратился с удивительным, беспрецедентным для представителя консервативного лагеря той эпохи призывом к современникам, желавшим для России европейского будущего: «Всем людям, которым дорогá будущность родины, нельзя уже сохранять нейтралитет между двумя направлениями (народничеством и марксизмом — С. Б.), с которыми они одинаково расходятся (прежде всего в неприятии их мировоззренческих основ — С. Б.), но из которых одно, по крайней мере, не поворачивается спиной к европейской культуре. Всем, кому не представляется иного пути к дальнейшему развитию нашего отечества, кроме этой культуры, надо встать под одно общее знамя и сомкнуться против общего врага — против защитников умственного и экономического одичания»¹⁰. Однако, хотя именно опубликование работы Струве, на наш взгляд, и побудило Головина, увидевшего в нем потенциального союзника в борьбе против «общего врага», написать эти строки, во второй половине 1890-х годов Струве не оценил должным образом этого призыва Головина и предпочел ответить ему с последовательно классовых

⁵ Струве П. Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России. С. 9—11.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Впрочем, и Струве «образца 1894 года» не может рассматриваться в качестве *ортодоксального* марксиста; прежде всего это касается понимания им государства не только и не столько как орудия классового господства, но и как «орудия порядка». См. об этом также: Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М.: Канон+, 2005. С. 329—344.

⁸ Головин К.Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика (к вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896. С. 88.

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Там же. С. I—II.

позиций. Признав (в статье «Моим критикам», написанной в 1895 году, однако впервые опубликованной лишь в 1902-м), что в негативном отношении к народнической программе его взгляды и представления Головина весьма схожи, так же как, например, в Германии есть сходство «в оценке некоторых сторон капитализма между реакционерами и социал-демократами», Струве заявляет о своих принципиальных разногласиях с Головиным не только «насчет далекого будущего», но и относительно современного положения России, «которые все сводятся к одному общему: интересы какого общественного класса выражает данное социально-политическое мировоззрение? И ответ на этот вопрос дает единственный прочный критерий для классификации направлений»¹¹.

Такой подход вообще был характерен для молодого Струве. Так, характеризуя в 1897 году экономические воззрения Н.В. Водовозова, который достаточно высоко оценил набиравший тогда популярность в Европе так называемый католический социализм, а также социальную политику германских властей (взгляды Водовозова Струве вполне обоснованно сравнивал с воззрениями катедер-социалистов), Струве упрекает этого публициста прежде всего в том, что он «мало придавал значения тому, кто защищает или высказывает известные идеи, которые он считал верными или справедливыми, *кто* (курсив наш — С.Б.) — не в личном, а в социологическом смысле»¹². С таких же позиций Струве в то время оценивал и взгляды других своих современников. Впрочем, со временем критерии его оценки существенно изменились, и в работах 1900-х, и тем более 1910-х годов Петр Бернгардович, по-прежнему обстоятельно анализируя социально-классовую подоплеку воззрений интересовавших его деятелей, все же не абсолютизировал значения этого фактора и, более того, не отводил ему первостепенной роли. Неудивительно поэтому, что его отношение к умеренным европейским социалистам изменилось радикально (достаточно сказать, что уже в 1900 году Струве, причислив себя к числу «сторонников социального идеализма», что само по себе уже было несовместимо с прежним подходом, призывал своих единомышленников «в поисках духовного маяка» обратиться к такой фигуре, как Ф. Лассаль¹³). И в 1905 году в одной из своих важнейших теоретических работ он дал, на наш взгляд, оценку прежде всего *своим* прежним представлениям: «Сила научного социализма — поставленная им себе целью и отчасти осуществленная связь между теорией социального развития и социально-политической программой классовой борьбы — в то же время стала и источником не меньших научных заблуждений»¹⁴. Струве понадобилось еще несколько лет для того, чтобы не только до конца преодолеть «научные заблуждения», но и определить новую политическую позицию. Преодолеть то, что выдающийся французский историк Ф. Фюре¹⁵ очень точно назвал «революционной страстью», оказалось гораздо труднее, чем отказаться от чисто научных заблуждений.

Отмечая, что противопоставление национального богатства и народного благосостояния, или, иначе говоря, несоответствие прогресса в области производства и прогресса в области потребления, является одним из важных моментов учения Маркса, и именно в этом несоответствии Маркс усмат-

¹¹ Струве П. Моим критикам // На разные темы (1893—1901 гг.). С. 13—14.

¹² Струве П. «Экономические этюды» Н.В. Водовозова // Там же. С. 424.

¹³ Струве П. Ф. Лассаль. По поводу 75-летия со дня его рождения // Там же. С. 266.

¹⁴ Струве П. Марксовская теория социального развития. Критическое исследование. Киев, 1905. С. 42.

¹⁵ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 17.

ривал одно из тех противоречий капитализма, от которых он со временем погибнет¹⁶, Струве констатирует, что русская народническая мысль подхватила эту идею и «в силу своего гуманного, народолюбивого характера... сразу решила вопрос в пользу народного благосостояния». Поскольку такие «народно-экономические формы», как община, были, по мнению народников, способны обеспечить экономическое равенство, а следовательно, и благосостояние народа, а капиталистическое развитие, «опирающ[ееся] на частную собственность и экономическую свободу», несло очевидную угрозу этим формам, «устраняя их экономические и психические основы», народничество и противопоставило капиталистическому хозяйству «так называемое „народное производство“... как общественно-экономический идеал, за сохранение и дальнейшее развитие которого надлежит бороться русской интеллигенции и русскому народу»¹⁷. Однако, подобно тому как Маркс, в отличие от «всякого сорта экономистов-реакционеров», выступавших за возврат к архаичным формам организации производства и распределения, «всегда все свои надежды полагал на дальнейшее развитие капиталистического строя»¹⁸, Струве противопоставляет «бессознательно-реакционному характеру народничества» такое видение экономического будущего России, согласно которому народническое развитие по западному пути является необходимым условием прогресса социального. Доказательством тому Струве считал не только неверно, по его убеждению, интерпретируемые народниками положения теории Маркса, но и тот очевидный факт, что в конце XIX века наиболее высокий уровень жизни и, шире, «социальный уровень трудящихся масс» были именно в тех странах, которые дальше всех продвинулись в своем капиталистическом развитии (США, Англия, Австралия)¹⁹.

В отличие от народнических экономистов, видевших, по мнению Струве, в повышении производительности труда и интенсификации производства страшную угрозу для сельской России, поскольку все это с неизбежностью ведет к усилению имущественного расслоения крестьянства, автор «Критических заметок...» убежден: «Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм — вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства. Капитализм же... *делает возможным и вынуждает техническую рациональность*. В этом его великая историческая миссия в области производства вообще, сельскохозяйственного в частности»²⁰.

Более того, уже в самой России во второй половине XIX столетия со всей очевидностью обнаружилось, по меткому замечанию Струве, «превосходство железных дорог, в качестве фактора социально-экономической эволюции, над критически мыслящей интеллигенцией и даже — увы! — над общиной»²¹.

Эти оценки Струве, как и его слова о том, что перевозоспособная народниками «экономическая самостоятельность» крестьянина тождественна «злейшей хозяйственной эксплуатации и правовой приниженности личности»²², являются вполне обоснованными. Трудно, однако, согласиться с тем, что та программа, с которой выступило русское народничество, «гораздо меньше,

¹⁶ Струве П. Критические заметки. С. 129—130.

¹⁷ Там же. С. 131—132.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Там же. С. 136.

²⁰ Там же. С. 224—225.

²¹ Там же. С. 180.

²² Заседание III Отделения Императорского вольного экономического общества 2 марта 1897 г.: Стенографический отчет // Труды ИВЭО. 1897. Т. II, кн. 4. СПб., 1897. С. 82.

чем программа западноевропейского экономического романтизма, опиралась на реальный, знакомый почти во всех его деталях, экономический строй, каковым был средневековый феодально-цеховой строй для экономического романтизма Запада»²³. Здесь можно говорить не только о недооценке со стороны Струве убедительности народнической пропаганды, но и о недооценке им прочности общинных порядков — главной «опорной точки» народнических построений (пусть даже порядки эти в том виде, в каком они сложились в России к концу XIX столетия, стали результатом не только многовековой российской «передельной» традиции, но и правительственной политики пореформенного периода, имевшей целью прежде всего удовлетворение фискальных потребностей государства).

Одной из фундаментальных ошибок народнических теоретиков, и в особенности Н. Даниэльсона, Струве считал то, что теоретические построения К. Маркса о капиталистическом перенаселении (рост которого неизбежен) — то есть «представления и категории *сложившегося* капиталистического строя» — они перенесли на «до сих пор более натуральное, чем денежное, крестьянское хозяйство» России конца XIX столетия. Действительно, в европейской части страны налицо было аграрное перенаселение — «наши крестьяне производят недостаточно пищи, а г. — он²⁴ приписывает их жалкое положение тому, что они перестали заниматься домашним прядением и ткачеством для собственного потребления (и ограниченного рынка)»²⁵, поскольку крупная капиталистическая промышленность якобы вытеснила «народное производство».

Поставленный Струве диагноз был, по сути, абсолютно верным: «перенаселенность, то есть избыток земледельческого населения, в связи с наследием натурального хозяйства, технической нерациональностью крестьянского земледелия, которую обуславливается его низкая производительность, — вот основные причины крестьянского обеднения. Обеднение же это выражается в освобождении крестьян от земли, в создании сельского пролетариата»²⁶. В данном процессе, который, по словам Струве, можно было по-разному оценивать (в зависимости от идеологического «направления», к которому принадлежал тот или иной автор), но совершенно невозможно оспаривать, сам автор «Критических заметок...» выделял две стороны, два момента: «прогрессивный и регрессивный». Прогрессивной стороной он считал победу «сильных» над «слабыми», «производителей товарных над производителями исключительно для собственного потребления», то есть вытеснение натурального хозяйства товарным производством. Регрессивная же сторона процесса заключается в том, что «товарное производство — в связи с ростом населения — довело до самых крайних последствий и раскрыло воочию... техническую нерациональность всего крестьянского хозяйства: она обрушивается на всю крестьянскую массу целиком»²⁷; в результате Россия столкнулась с «грандиозным разорением русского крестьянства, разорением, для значительной части его совершенно непоправимым». Но обе стороны указанного процесса содействуют развитию капитализма тем, что «создают „свободного“ — в двойном смысле автора „Капитала“ (то есть свободного юридически и „свободного“ от средств производства — С. Б.) — рабочего»²⁸.

²³ Струве П. Б. Критические заметки. С. 132.

²⁴ Псевдоним Н. Ф. Даниэльсона.

²⁵ Струве П. Б. Указ. соч. С. 237.

²⁶ Там же. С. 238.

²⁷ Там же. С. 223—224.

²⁸ Там же. С. 238—239.

Когда Струве говорил о разорении *всего* крестьянства, он, пожалуй, несколько сгущал краски (вслед за своими оппонентами), игнорируя как минимум региональную специфику. Но главное — рассуждая о том, что процесс этот носит преимущественно прогрессивный характер, он явно недооценивал опасность того социального взрыва, сущность которого он сам в конце жизни охарактеризует как реакцию «почвенных сил принуждения»²⁹ на экспансию новых порядков.

Роль «грандиозного разорения крестьянства» как фактора, обеспечивающего ускоренное развитие капитализма в российской деревне, Струве объяснял также и тем, что, когда разоренные крестьяне становятся неспособны платить высокую арендную плату землевладельцам, «последние возвращают себе свою „хозяйственную самостоятельность“»; именно этим в значительной степени Струве объясняет очевидный, на его взгляд, прогресс частновладельческого хозяйства в конце XIX века³⁰. И в этой ситуации у государственной власти появляется шанс за счет разумной — то есть не пытающейся противиться «неумолимой логике экономической эволюции» — политики расширить свою социальную базу: «если государство по каким-либо соображениям желает укреплять не крупное, а мелкое землевладение, то, при данных экономических условиях, оно может достигнуть этой цели не тем, что будет гоняться за неосуществимым экономическим равенством в среде крестьянства, а только — путем поддержания его жизнеспособных элементов, путем создания из них экономически крепкого крестьянства»³¹. Заметим, что наиболее дальновидному из представителей правящих кругов России — С.Ю. Витте — понадобилось еще несколько лет после того, как были написаны эти строки, чтобы прийти к осознанию необходимости именно такой политики. Осуществление ее начнется лишь через 12 лет после выхода в свет «Критических заметок...» (и, кстати, идеолог этого курса — П.А. Столыпин — обосновывал свою политику точно в таких же выражениях, что и Струве). Двенадцать лет промедления оказались для российской власти роковыми.

Показательно, что В.И. Ленин, комментируя эти слова Струве, счел их просто неудачным выражением своих мыслей марксистом (хотя и не правоверным), что якобы и дало повод таким «крепостникам», как К.Ф. Головин (а также либеральным экономистам вроде академика И.И. Янжула), зачислить его «по недоразумению» в число своих потенциальных союзников³². Однако Ленин не понимал, какая пропасть разделяла его и Струве уже в середине 1890-х годов.

Правда, Струве утверждает, что его «личные симпатии вовсе не на стороне экономически крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянства» — хотя весь текст книги оставляет у нас иное впечатление (точнее — кажется, что Струве — как ученый, исследователь — как раз на стороне крепкого крестьянства; но он пока не может ему сочувствовать как русский интеллигент; со временем экономист победит в нем интеллигента в специфически русском понимании этого слова — во всяком случае в отношении к данной проблеме), — однако именно политика, которая будет направлена «на создание *такого* крестьянства, будет единственной разумной и прогрессивной

²⁹ Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 7.

³⁰ Там же. С. 240.

³¹ Там же. С. 240.

³² Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 527.

политикой, так как она пойдет навстречу исторически неизбежному процессу капиталистического развития, смягчая в то же время его крайности»³³.

Говоря о возможности достаточно быстрого расширения в России слоя мелких — и в то же время крепких — землевладельцев, Струве, в отличие от многих современников, без всякого скепсиса смотрел и на будущее землевладения среднего и крупного. Оскудение значительного числа дворян-землевладельцев было в России к концу XIX столетия налицо, однако Струве объяснял его отнюдь не бесперспективностью любых форм землевладения, кроме мелкого, а прежде всего тем, что «дворянство, в силу исторических условий, с самого начала являлось плохо приспособленным к настоящему сельскохозйственному предпринимательству», но следствием этого станут лишь то, что «негодные элементы, быть может, будут просто вытеснены годными; изменится, так сказать, личный состав класса землевладельцев», но сам класс никуда не исчезнет и, более того, экономическое значение его будет лишь возрастать³⁴. Отметим, однако, что данный процесс должен был означать существенное снижение политического веса класса землевладельцев: влияние дворянства основывалось не только на его экономических позициях. Впрочем, Струве делает важную оговорку — «полное оскудение» дворянского землевладения представляется ему сомнительным.

Весьма показательно то, что уже в первой своей крупной работе Струве говорит об особом значении для России доктрины выдающегося немецкого экономиста, идеолога политики промышленного протекционизма и — в целом — политики ускоренного капиталистического развития Фридриха Листа. Справедливо характеризуя Листа как «апологет[а] товарного производства и капитализма», Струве отмечает, что социальные аспекты процесса развития капитализма были им, по сути, проигнорированы; в то же время «именно эта буржуазная односторонность и помогла ему с такой логической силой формулировать свое замечательное учение», сутью которого является обоснование тесной взаимосвязи в развитии сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности: «Сельское хозяйство всего лучше развивается там, где оно всего теснее связано с всесторонней фабричной промышленностью, т. е. тот народ всего лучше разовьет свои производительные силы, который создаст многостороннюю обрабатывающую промышленность, могущую опираться на внутреннее сельскохозйственное производство»³⁵. Также несомненным достоинством доктрины Листа — и этот момент необходимо подчеркнуть особо — Струве считает то, что германский экономист «всюду в своих рассуждениях исходил из понятия о нации и национальном хозяйстве; в основе всех его построений лежит тот исторический факт, что население земного шара не представляет в политическом отношении целого, а распадается на целый ряд государств», и справедливость учения Листа подтверждается, по мнению Струве, всей новейшей историей человечества, свидетельствующей о неразрывной связи возникающего нового хозяйственного строя с современным государством³⁶. В этих рассуждениях Струве несложно увидеть «базис» для его работ конца 1900-х — начала 1910-х годов, в частности «Великой России».

Такая высокая оценка концепции Листа — сторонника активного государственного вмешательства в экономические процессы, основную работу которого «Национальная система политической экономии» Струве называет «победной песней торжествующего товарного производства, во всеуслыша-

³³ Струве П. Критические заметки. С. 281.

³⁴ Там же. С. 244.

³⁵ Там же. С. 122.

³⁶ Там же. С. 123.

ние провозглашающей его культурно-историческую мощь и победоносное шествие по всем языкам», является, быть может, ярчайшим свидетельством того, насколько уже в 1894 году взгляды автора «Критических заметок...» были далеки от ортодоксально-марксистских. Ведь, как писал сам Струве, Маркс отвергал вмешательство государства в экономику вплоть до перехода государственного механизма в руки пролетариата³⁷.

Важно и то, что Струве, предвидя возможные упреки в симпатии к идеям реакционного, с точки зрения многих марксистов, буржуазного экономиста, сознательно подчеркивает взаимодополняющий характер доктрин Маркса и Листа: «Тот же самый процесс, который интересовал Листа с точки зрения развития „национальной промышленности“, перед Марксом являлся как процесс социальной эволюции, как развитие капитализма. Оба автора, именно благодаря различию их точек зрения, прекрасно дополняют друг друга»³⁸.

К проблемам государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и, конкретнее, «внешней торговой политики» Струве возвращался неоднократно в разные годы своей жизни, высказывая в целом те же самые взгляды, которые были сформулированы им в «Критических заметках...». Однако если в этой книге он обосновал необходимость проведения в данной сфере такой политики, которая содействовала бы скорейшей капиталистической индустриализации страны, то в работах конца 1900-х и особенно 1910-х годов он идет дальше и стремится обосновать тесную связь внешней политики вообще и внешнеторговой в особенности с самим «бытием государства». Так, в курсе лекций по истории торговой политики России Струве выдвигает тезис о принципиальном различии между внутренней и внешней торговлей, и на основании этого подчеркивает необходимость особого отношения к политике в области регулирования внешней торговли. Если «во внутренней торговой политике государства речь идет о соотношении тех или иных общественных сил перед лицом единой государственной власти, о противоборстве интересов, окрашенных только в классовый цвет», — и соответственно политика эта и должна рассматриваться с точки зрения того, интересы какого класса она выражает (при этом нужно понимать, что, «конечно, те или другие классовые интересы могут совпадать или расходиться с так или иначе понимаемыми интересами всего политического целого, всего государства, всего общества»), то в области внешнеторговой политики, хотя классовые интересы здесь также присутствуют и играют не последнюю роль, но — и это главное — «поверх этой борьбы интересов внутри данного политического единства стоит состязание разных политических целых между собою, над классами совершенно явственно возвышается государство в его отношении к другим государствам. Это окрашивает внешнюю торговую политику в национальный цвет, сопрягает ее особенно тесно с самым бытием государства» и с ярчайшим выражением этого бытия — внешней мощью страны³⁹.

Считая политику в области внешней торговли (понимаемую более широко, нежели просто таможенное регулирование) узлом, «в который сплетаются нити всего культурно-политического развития данной страны», — и именно поэтому носителями «торгово-политических идеалов» в разные эпохи выступали «крупнейшие представители целых... культурно-философских течений»,

³⁷ Струве П. Б. Маркс // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1897. Т. 36. С. 666.

³⁸ Струве П. Критические заметки. С. 182.

³⁹ Струве П. Б. Торговая политика России: Лекции, читанные на экономическом отделении СПб Политехнического института. СПб., 1913. С. 3—4.

такие, как Адам Смит и Фридрих Лист⁴⁰, — Струве не соглашается с теми, кто обвиняет правительство в злоупотреблении этими инструментами экономической политики. Он считает ошибочным представление о капитализме как о результате «свободной игры экономических сил», в которую государство вмешиваться не должно. По его мнению, характеризовать капитализм подобным образом — значит искусственно вычленять лишь один период в его развитии, «ибо были времена, когда капитализм развивался под непосредственным воздействием государства»; более того, именно эта двойственность — сочетание экономической свободы с государственным вмешательством — является одной из важнейших характеристик раннего капитализма почти во всех странах.

Хотя сама целесообразность осуществления промышленного протекционизма представлялась Струве несомненной, все же его отношение к политике российского правительства, в конце XIX века последовательно реализовывавшего данный курс, нельзя назвать однозначно позитивным. Признавая, что государство повсеместно было «акушером и воспитателем всех современных форм промышленности», и это вполне применимо к тому периоду в русской экономической истории, который наступил в конце XIX века, в министерство Витте, когда в результате покровительственной политики начался быстрый промышленный рост, особенно на юге России. Такая политика вполне оправдана, ибо «рост промышленности в интересах фиска и должен быть одной из основ роста государственного бюджета... Наше отечество в этом отношении не является исключением». Поэтому утверждения об искусственности российской промышленности Струве считает несостоятельными⁴¹, а протекционизм он характеризует как закономерный «спутник капитализма»⁴².

В то же время Струве отмечает, что вопреки распространенным представлениям таможенные пошлины «играют в огромном числе случаев гораздо меньшую роль, чем другие факторы хозяйственного развития», и роль эта тем меньше, чем выше уровень экономического развития страны. Лидирующие позиции в международной экономической борьбе занимают, по словам Струве, те «народы, которые развили в себе наивысшую меру свободной экономической дисциплины»; поэтому важнейшим условием экономического прогресса является отнюдь не тарифная политика, а «сочетание свободы с дисциплиной именно в приложении к хозяйству и труду». Несмотря на поощрение промышленности, вся российская история мешала и продолжает мешать необходимому «процессу свободного дисциплинирования человека, как творца хозяйства»⁴³. Поэтому, достаточно высоко в целом оценивая финансово-экономическую программу Витте, Струве отмечает, что слабая сторона деятельности и так называемой системы Витте состояла не в самой этой программе, а «в сочетании ее, во-первых, с общей реакционной внутренней политикой... и, во-вторых, с авантюризмом во внешней политике». И хотя ни в том, ни в другом лично Витте обвинен быть не может, но «он терпел и то и другое и исторически ответствен за это»⁴⁴.

⁴⁰ Струве П. Б. Экономия промышленности. СПб., 1909. С. 14.

⁴¹ Струве П. Б. Записки по курсу экономии промышленности. СПб., 1910. С. 5—6.

⁴² Струве П. Б. Критические заметки. С. 287.

⁴³ Струве П. Б. Экономия промышленности. С. 13—14.

⁴⁴ Струве П. Б. *Patriotica*. СПб., 1911. С. 158. Следует, впрочем, отметить, что еще в начале 1900-х годов Струве высказывался по поводу «системы Витте» гораздо более резко, называя ее «государственным грюндерством», «грандиозной экономической диверсией самодержавия» и т. п. (см.: Финансово-экономическое положение России и политика г. Витте // Освобождение. 1903. № 2 (26). С. 24).

Наконец, уже в «Критических заметках...» Струве напрочь отвергает народническую (и не только народническую — подобные идеи высказывали и консерваторы, и даже некоторые либеральные экономисты) идею о том, что российская промышленность нежизнеспособна вследствие отсутствия как внешнего, так и внутреннего рынка сбыта своей продукции: внешние рынки давно захвачены передовыми индустриальными державами, внутренний же не может развиваться из-за отсутствия должной покупательной способности у подавляющего большинства населения страны — крестьянства, разоренного, с точки зрения народников, как раз развивающимся в России капитализмом. Вслед за известным экономистом Н.А. Каблуковым Струве справедливо утверждает, что отсутствие внешнего рынка вовсе не является непреодолимым препятствием для развития капиталистической промышленности — надо просто поставить земледельческое население в условия, благоприятные для развития его благосостояния и, следовательно, обеспечивающие рост платежеспособного спроса на промышленную продукцию с его стороны. Таким образом, сельскохозяйственное население станет потребителем продукции обрабатывающей промышленности, так же как и все возрастающее городское население обеспечит расширение рынка сбыта для продукции сельскохозяйственной. Представление же о капиталистическом обществе как о состоящем «исключительно из предпринимателей и рабочих»⁴⁵, а потому не способном обеспечить потребление излишка промышленных товаров внутри данного общества и, следовательно, вынужденном искать внешних рынков сбыта для своей продукции Струве считает принципиально неверным, поскольку «тот факт, что *потребление третьих лиц* внутри страны не может быть достаточно широко для того, чтобы на него могло опираться в своем развитии капиталистическое производство, ...должен быть специально доказан. Для России подобное положение недоказуемо»⁴⁶.

Следующий за этими рассуждениями фрагмент работы Струве, содержащий обширную цитату из статьи В. Воронцова, мы приведем — в связи с его исключительной важностью — с минимальными сокращениями: «...г. В. В. сам проговаривается целой *программой* развития русского капитализма. Последний «в своем стремлении овладеть производством... не должен основываться на методе, выработанном Англией (захвате внешних рынков — *С. Б.*), а за советом пусть лучше обратится к Америке, придерживавшейся другой системы... Система эта... построена на развитии благосостояния собственного населения, которое достигалось, во-первых, высокой заработной платой, во-вторых, созданием самостоятельного и богатого класса мелких земледельцев. К тому же должен стремиться и наш капитализм. Насколько возможно сознательное возвышение заработной платы при господстве конкуренции — мы говорить не станем»⁴⁷; зато несомненно, что улучшение положения земледельца, упрочение его хозяйственной самостоятельности есть дело рук человеческих, и что класс фабрикантов, как представляющий из себя общественную силу, может, если пожелает, вложить свою лепту в это дело. С другой стороны, весьма вероятно, что история последнего

⁴⁵ Струве П. Критические заметки. С. 251.

⁴⁶ Там же. С. 252.

⁴⁷ Скепсис Воронцова в данном случае вполне понятен — он, как и многие современники, в данном вопросе полностью разделял мнение, высказанное в свое время Марксом. Однако к концу XIX столетия уже было достаточно данных, позволяющих сделать иной вывод, к которому и пришел Струве: «При условии культурного и технического прогресса, ...падение [заработной] [платы] невозможно *a la longue* для целого народного хозяйства даже и при капиталистической организации» (там же. С. 251).

пятилетия, с его быстрым оживлением промышленности и столь же быстрым ее упадком, не могла не повлиять на наших фабрикантов в смысле уяснения зависимости их собственного благополучия от благосостояния массы мелких земледельцев. Если все это верно, то этим очерчиваются и границы господству капитализма в России: земледельческий промысел должен быть изъят из-под его руководства, но и в сфере обрабатывающей промышленности развитие его не должно действовать чересчур (*sic!*)⁴⁸ разрушительно на кустарные промыслы, представляющиеся, по нашим климатическим условиям, необходимыми для благосостояния значительной части населения». В этих словах, повторяем, — целая программа как развития русского капитализма, так и — *implicite* — соответствующей государственной политики. Выполнение этой программы окончательно отнимет почву у всех народнических мечтаний, так как оно осуществит самое опасное для них совпадение интересов промышленной буржуазии и экономически крепкого крестьянства»⁴⁹.

Повторим: этот фрагмент представляется нам весьма значимым. Это действительно если и не программа развития капитализма, то, во всяком случае, ее набросок — и, в частности, того, что впоследствии Ленин назовет американским путем развития капитализма в сельском хозяйстве России; кстати, именно об этой близости сравнительно прогрессивного, с точки зрения Ленина, американского пути к теоретическим построениям народников писал в свое время М. Я. Гефтер⁵⁰. (Самому Струве в американском опыте развития наиболее важным представлялось другое — возможность широкого развития капиталистической промышленности с опорой главным образом на внутренний рынок, причем исключительно высокими темпами⁵¹. При этом он подчеркивает, что США во второй половине XIX столетия удалось добиться «грандиозного развития» как индустрии, так и сельского хозяйства (последнего главным образом благодаря существенной интенсификации) именно в результате отделения обрабатывающей промышленности от земледелия⁵².)

Конечно, эту программу нельзя назвать последовательно буржуазной, и под хозяйственной самостоятельностью земледельца, к тому же «изъятая из-под руководства» капитализма (капитализма в узком смысле — высоко развитого, капитализма в «английской форме»), Воронцов понимал вовсе не то же самое, что Струве. Во всяком случае такая программа и не стала бы непреодолимым барьером на пути капиталистического развития страны. Получается (и Струве обращает на это внимание), что, приняв (в рамках полемики) точку зрения, согласно которой капиталистический сектор в российской экономике уже существует и все равно будет развиваться — необходимо поэтому направить его развитие в определенное русло, насколько это позволяют имеющиеся у государственной власти возможности, — ведущий теоретик народничества предложил в целом достаточно прогрессивный и реалистический путь; по словам Струве, «проговорился» этой программой. Дело, следовательно, не в экономической безграмотности сторонников самобытного пути хозяйственного развития России. Возникает естественный вопрос: почему тогда Воронцов и его соратники именно эту экономически обоснованную программу не поставили в центр всей своей концепции, а рассматривали этот вариант лишь как «лучшее из плохого»? Ответ здесь может быть лишь один. Народническая доктрина носила прежде всего этический

⁴⁸ Примечание Струве.

⁴⁹ Там же. С. 252—253.

⁵⁰ Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991. С. 484.

⁵¹ Струве П. Критические заметки. С. 260.

⁵² Там же. С. 264—266.

характер. Поэтому, даже осознавая большую экономическую обоснованность приведенной выше программы, народники, тем не менее, отдавали предпочтение иной концепции развития, прилагающей ко всему, по словам Струве, «только свое собственное (субъективное) мерило добра и зла»⁵³. Эта концепция в принципе не обосновывалась чисто экономически, но зато в полной мере соответствовала народническим нравственным установкам (которые, по мнению народников, были в целом присущи русскому народу). Это означало также, что оппоненты Струве не готовы были услышать его (или чьи-то еще) аргументы, пусть даже и самые убедительные. Впрочем, вспомним о том, что сам Струве, с насмешкой отвергая предложение Головина о сотрудничестве всех «антинароднических» сил ради обеспечения для России европейского будущего, руководствовался примерно такой же «логикой».

Кстати, показавшийся Струве наиболее сомнительным тезис Воронцова о необходимости предостеречь чересчур разрушительное воздействие «капитализма», то есть крупной фабрично-заводской промышленности на кустарные промыслы крестьян, представляется нам как раз вполне обоснованным. Понятно, что с точки зрения исторической перспективы «народное производство» — кустарная промышленность — было обречено на вымирание. Но *форсированное* вытеснение ее приводило к тому, что крестьяне, во-первых, оставались без работы на протяжении значительной части года — упоминание о «наших климатических условиях» здесь более чем оправданно, а во-вторых, они лишались определенной (в ряде регионов — немалой) части заработков, что негативно сказывалось на экономическом положении деревни. Поэтому комплекс правительственных мер, призванных в течение определенного времени поддержать кустарное производство, несмотря на его очевидно меньшую чисто экономическую эффективность сравнительно с фабрично-заводской промышленностью, не затормозив сколь-нибудь существенно процесс индустриализации, в то же время мог бы помочь российской деревне пережить наиболее трудные времена. Целесообразность подобной политики весьма аргументированно обосновали многие экономисты и общественные деятели — в их числе все тот же Головин, и в этом случае точно указавший на одно из слабых мест в работе Струве.

Вопросу о роли государства в процессе развития капитализма Струве посвящает всего лишь несколько страниц в «Критических заметках...». Подчеркивая, что государство в классовом обществе является, во-первых, организацией порядка, а во-вторых, организацией господства, он исходит из того, что этим «его экономической политике поставлены известные границы»; для проведения принципиально нового курса (в интересах трудящихся) необходимо «перераспределение социальной силы между отдельными классами». В то же время «учение об экономическом бессилии государства» — то есть невмешательстве его в социально-экономические процессы, «низведения государства до роли будочника» (только лишь гаранта правового порядка), получившее широкое распространение в первой половине XIX века, оказалось и в теоретическом, и в практическом отношении несостоятельным. Действительно, доктрина Ф. Листа, о которой Струве отзывается с нескрываемой симпатией, и ее практическое воплощение наглядно продемонстрировали несостоятельность подобных воззрений. Народнические концепции представляются Струве опять-таки в известном смысле реакцией на доктрину либеральных британских экономистов — однако такой реакцией, которая игнорирует «социологическую природу государства», требует от него чудес,

⁵³ Струве П. Критические заметки. С. 286.

рассчитывает на столь радикальное «вмешательство государства в область перераспределения», которое «не может простираться так далеко, как этого хотелось бы „каюшемуся дворянину“, хотя бы потому, что кающиеся тонут в массе нераскаянных»⁵⁴. Поэтому, в отличие от народников, приписывающих государству такую творческую силу, какой оно по природе своей не может обладать, Струве убежден, что в процессе капиталистической трансформации России государство «может играть, в конечном счете, только одну роль: содействовать ему, смягчая, пожалуй, его крайности». Выстроить же всю народнохозяйственную организацию «на почве, совершенно для того не подготовленной», — то есть на основе общинного землевладения — государство не может в принципе, поскольку, по замечанию Струве (в тот период уже приступившего к обстоятельному изучению истории сельской общины и истории крепостного хозяйства в России, вылившемуся затем в отдельное исследование), «община представляла в лучшем случае фундамент фискальной, а не народнохозяйственной организации»⁵⁵.

Струве, видимо, действительно был убежден, что у российской государственной власти нет иного выхода, кроме как, определяя «равнодействующую общественных сил», содействовать процессу развития капитализма в стране в целом и в аграрном секторе экономики в частности. Но убеждение это кажется достаточно странным, учитывая, что именно благодаря действиям властей община, необходимая им прежде всего действительно в фискальных целях, за три пореформенных десятилетия не только не ослабила, а, напротив, даже укрепила свои позиции; и параллельно с этим росла убежденность преобладающей части высшей бюрократии в необходимости сохранения этого института и в дальнейшем в целях недопущения дестабилизации обстановки в деревне, предотвращения пауперизации значительной части крестьянства (чему, как блестяще показал Струве, она на самом деле не могла воспрепятствовать) и т. д. Более того, за год до выхода в свет «Критических заметок...» эта позиция нашла свое воплощение в законе о неотчуждаемости общинных земель. Поэтому можно сказать, что Струве все же недооценивал притягательность и силу воздействия многих народнических идей на российскую бюрократию; как выяснилось, государству «удалось» не ускорить необходимый процесс и не смягчить его крайности, а, наоборот, затормозить и — что более существенно — деформировать его, доведя в итоге ситуацию до крестьянской войны 1905—1907 годов. Рассуждая о социологической природе государства, Струве, таким образом, не верил в его «творческую» силу, которая может быть использована отнюдь не только во благо. Ему казалось, что очевидная экономическая несостоятельность политики сохранения и укрепления общины очень скоро заставит власти пересмотреть свой курс. Однако во власти — как и в обществе — люди, руководствовавшиеся прежде всего интересами экономической целесообразности, оказались в явном меньшинстве; изменить аграрную политику эту власть заставила лишь революция.

Как видим, Струве в середине 1890-х годов, признавая общинные порядки безусловным тормозом на пути экономического прогресса России, тем не менее недооценивал опасность продолжения правительственной политики, направленной на сохранение этого строя, будучи уверен в том, что государство вскоре окажется *вынуждено* проводить курс, содействующий капиталистическому развитию страны. Вопрос же о крайне негативном влиянии общин-

⁵⁴ Струве П. Критические заметки. С. 71—72.

⁵⁵ Там же. С. 278.

ных порядков на правосознание народа — и на его культуру в целом — для последовательного материалиста Струве казался тогда несущественным.

К началу 1900-х годов мировоззрение Струве во многом изменилось. Для него — «социального идеалиста» — первостепенным стал вопрос созидания свободной личности как важнейшей составляющей прогресса. Но и теперь исключительная значимость завершения раскрепощения личности крестьянина им, на наш взгляд, не вполне осознается, — возможно, потому, что, «ударившись» из одной крайности в другую, осознав привлекательность идеалистического мироощущения, объявляя теперь «грубейший материализм» культурным злом и опасностью для общества, Струве склонен большее значение придавать тем сферам жизни общества, «где творится религиозная, политическая и общественная культура». Соответственно политика, в рамках которой «личности и свободным союзам довольно „либерально“ предоставляется низменная сфера материальных интересов, здесь допускается некоторая свобода, и сюда же направляется главный поток попечительных забот», представляется ему не просто непоследовательной, не просто недостаточно либеральной, но даже опасной: «Искание новых путей для духа и жизни заменяется погоней за материальными выгодами и наслаждениями. Так, национальная культура пропитывается и отравляется ядом практического материализма...»⁵⁶ Эти строки не были посвящены конкретно аграрной политике (хотя именно в начале 1900-х годов прогрессивная часть высшей бюрократии во главе с С. Ю. Витте предприняла попытку инициировать аграрную реформу), однако, как нам представляется, вполне определенно характеризуют ту иерархию задач, те приоритеты, которые, по мнению Струве, стояли на повестке дня в России начала XX столетия.

В опубликованной в том же 1901 году статье «Право и права» Струве, подчеркивая: «для того, чтобы обыватель-крестьянин имел основание „перекреститься“ перед законом, необходимо, чтобы „закон“ утешал не только своей формой, но и своим содержанием, чтобы закон расширял свободу крестьянина, т. е. подымал его личность, давал ему „права“», — ни словом не обмолвился о том, с чего следует начинать прививать крестьянам «чувства личной ответственности и чести»⁵⁷.

Наконец, к концу 1900-х годов, в полном соответствии с третьим законом не слишком любимой Петром Бернгардовичем диалектики, окончательно сформировав свое новое мировоззрение, в рамках которого идеализм сочетается с признанием ведущей роли экономической сферы в развитии общества, Струве формулирует свою, по сути, окончательную позицию по этому вопросу. В статье «Экономические программы и неестественный режим», опубликованной в 1909 году, он вновь утверждает, что основным фактором общественной жизни и, более конкретно, «решающей силой в экономической жизни является всегда человек». Создание нового человека требует решения целого ряда задач, в числе которых и «утверждение конституционного правопорядка со всеми его следствиями», и развитие народного образования. Но все же главным является вопрос «о создании нового экономического человека» применительно к большей части населения России — «хозяйственное воспитание нашего крестьянина»; и именно от того, как будет достигаться эта важнейшая цель, в конечном счете «зависит все наше экономическое и культурное развитие»⁵⁸.

⁵⁶ Струве П. В чем же истинный национализм (1901 г.) // На разные темы. С. 554.

⁵⁷ Струве П. На разные темы. С. 523—525.

⁵⁸ Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 96—97.

* * *

Те исследователи (все более многочисленные в последние десятилетия), которые сейчас столь высоко оценивают народнические теоретические построения, правы в том отношении, что российские народники, быть может впервые в мире (поскольку сама Россия была, по выражению Т. Шанина, первой в мире «развивающейся» страной⁵⁹), поставили проблему, которая во второй половине XX столетия станет весьма существенной для большинства развивающихся стран: в условиях, когда передовые государства уже утвердили свое главенство в системе международных экономических отношений, повторение «догоняющей» страной их опыта в чистом виде оказывается невозможным — результатом окажется лишь «воспроизведение» отсталости. К тому же и народнический «нравственный протест» против наступающего капитализма кажется развивающимся странам весьма привлекательным, ибо предвещает, по словам М. Гефтера, некое «всемирное будущее»⁶⁰. Однако рецепты решения стоявших перед Россией проблем, предложенные русскими народниками (и их «последователями» в странах третьего мира⁶¹), не просто вели в тупик — они гарантировали России полномасштабную катастрофу, поскольку у страны, не способной дать должный ответ на вызов времени, будущего быть не могло.

И потому блестяще аргументированная критика народнической доктрины, данная на рубеже XIX—XX столетий таким выдающимся российским мыслителем, как П. Б. Струве (не им одним, конечно, но им — ярче и убедительнее других), показавшим полную непродуктивность и, более того, опасность концепций, создатели которых, отмахиваясь от «вызова современности», определяют цели экономического развития (подчеркнем: не правила, не границы, а именно цели) на основе сугубо этических установок, значима не только для истории общественной мысли и экономики России, но и для адекватного объяснения процессов и проблем других стран «догоняющей модернизации».

⁵⁹ *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». Basingstoke; L., 1985.

⁶⁰ *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. С. 46.

⁶¹ *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980.